

Ань Чжэн подошел к Цуй Хаолай и посмотрел на чиновника, который явно боялся, но держался: "Вы хотите сказать, что на этот раз вы также признаете, что, возможно, была допущена ошибка при составлении списка чиновников, но правила нельзя нарушать, поэтому я должен продолжать борьбу, иначе я воздержусь? "

Цуй Хао подсознательно вернулся назад, сглотнул и сказал: "Когда... Конечно! Это правило императорского двора, законы страны, и здесь нет места потерям. Если... Если у вас есть какое-то мнение, вы можете спросить после испытания, о котором говорил суд. "

Ань Чжэн сказал: "Сколько человек участвовало в битве при Чусюне на этот раз?".

Цуй Хао сказал: "126 человек".

Ань Чжэн сказал: "Значит, я буду играть в 125 играх?".

Цуй Хао не выдержал взгляда Ань Чжэна и снова сделал шаг назад: "Это... откуда мне знать, что этот список составлял не я".

Ань Чжэн посмотрел на Цуй Хао и сказал: "С самого начала и до сих пор ты трижды звонил мне, указывая, что у тебя есть как минимум три листа бумаги с моим именем, и показывал их мне".

Цуй Хао на мгновение замер: "Ты не можешь это контролировать".

Ань Чжэн протянул руку: "Дай мне записку с моим именем в руку".

Сцена была тихой, никто не разговаривал. Все понимали странность происходящего, но, в конце концов, Цуй Хаолай был придворным чиновником, и они не осмеливались говорить небрежно. Даже те, кто в самом начале громко боролся против охраны, сейчас не хотели говорить. В конце концов, это позорное дело. Даже если они сражаются в таком колесе, разве это действительно славная победа для кого-то, кто выиграл битву?

Практики дорожат репутацией.

Большинство из них хотят победить Аньчжэна честным и справедливым способом. Пока Аньчжэн не показал силу, которой у них нет, они также думают, что Аньчжэн зависит только от удачи. Если им повезет, то они станут такими же, как и Аньчжэн знаменитый Фан Гучэн. Но сейчас лишь немногие из них считают себя сильнее Аньчжэна.

Цуй Хаолай был неоднократно поддержан взглядом Ань Чжэна. Он несколько раз кашлянул и сказал: "Вы создаете необоснованные проблемы!".

Ань Чжэн сказал: "Я создаю проблемы без причины, тогда ты покажи мне свою причину".

Цуй Хао подсознательно повернулся, чтобы посмотреть на место, где стоял Гао Юаньху, но обнаружил, что не знает, когда Гао Юаньху ушел. Он почувствовал холод в сердце, и вдруг подумал, не обсчитали ли его? Он слышал о нраве этого человека. Если что-то случится, боюсь, Гао Юаньху сам не решится.

Цуй Хаолай неловко улыбнулся: "Возможно, что-то действительно пошло не так, или если это соревнование не засчитают, я сделаю это снова".

Аньчжэн все еще протягивал руку: "Дай мне все бумаги с моим именем в руки".

Лицо Цуй Хаолая было уродливым, как будто он был тяжело болен. Он снова повернулся, чтобы поискать фигуру Гао Юаньху, но, прочесав толпу, так и не увидел ее.

Ань рассуждал медленно: "Ты не даешь, потому что у тебя вообще ничего нет. Если ты не хочешь говорить, тогда позволь мне сказать... Кто-то попросил тебя сделать это, а ты просто глупец, который берет деньги за то, что делает. У вас нет трех документов с моим именем, только один. И то, что вы не знали и не ответили, это то, что вы сейчас упали в яму. "

"Знаешь ли ты цель человека, который поручил тебе это сделать? Думаешь ли ты, что этот человек, возможно, хочет подразнить меня или хочет использовать борьбу на колесе, чтобы в конечном итоге устранить меня. Но вы ошибаетесь, его цель - раздражать меня. Позвольте мне лучше убить вас по этому случаю. "

Ань Чжэн указал на нос Цуй Хао: "Ты дурак, знаешь ли ты? Если бы я действительно убил тебя со злости, то тот, кто заставил тебя это сделать, был бы счастлив. Если бы я убил тебя по такому случаю, никто не смог бы меня оправдать, потому что сработал закон Даянь, меня бы посадили в тюрьму и казнили. А у тебя, после твоей смерти, не было свидетелей этого дела, и результат процесса был чист...".

Лицо Цуй Хаолая было белым, как бумага: "Энн... Лорд Анг, то, что вы сказали, правда?"

Рука Ань Чжэна все еще была вытянута: "Дай мне записку".

Цуй Хаолай вздрогнул и положил записку в руки Ань Чжэна: "Это правда... только это. Кто-то попросил меня сделать это, а я просто пожадничал на небольшую сумму денег. Я действительно не знаю, каковы будут последствия. Серьезные".

Ань Чжэн сделал шаг назад: "Что ты сказал? Ты сказал, что семья Гао попросила тебя сделать это?".

Когда Цуй Хао подошёл, его лицо снова изменилось, на этот раз оно стало сине-фиолетовым, как свиная печень: "Анье... Анье, не обижай меня, я этого не говорил".

Ань Чжэн громко сказал: "Пожалуйста, скажи это вслух, это люди из семьи Гао позволили тебе это сделать".

Цуй Хао от волнения чуть не упал на колени: "Я не говорил ах Анье!"

Ань Чжэн громко сжал кулаки: "Спасибо, что сказал правду".

Он повернулся, чтобы посмотреть на окружающих его людей: "Поскольку это могущественный человек, который может контролировать соревнования по своему усмотрению, лицо этой страны исчезло. Раз так, то просто подойдите прямо".

Он указал на этих людей: "Кто хочет победить меня, тогда подходите все!".

Поднимайтесь все!

Удар был подобен рыку тигра.

Люди вокруг закричали и зажужжали в ушах. У нескольких человек с меньшей силой из ушей пошла кровь, а еще больше людей потеряли сознание от шока. Внимание всей площади Цзиньтин было привлечено звуком Ань Чжэна.

Даже те, кто хорошо тренировался в битве Чусюн, были потрясены этим шокирующим разумом. Только тогда они поняли, насколько велика пропасть между ними и Ань Чжэном.

Никто не осмеливался встать.

Острые глаза Ань Чжэнли обшаривали зрителей: "Сражаться с тобой - обидное дело. Если бы мне было позволено отправиться прямо на битву за лидера, у меня все еще есть настроение тратить время с вами здесь. Вы считаете меня своим противником, а мой противник уже не ваш".

Если кто-то готов прийти и сражаться, я стою здесь и жду, почему бы не использовать это бесстыдное средство. "

"А если вы придете вместе?"

Никто не только не осмелился выйти, никто не осмелился заговорить. Мало того, в толпе не слышно шепота. Большинство людей закрывают уши, а их головы все еще перевернуты. Воздействие рева Аньчжэна было отнюдь не мгновенным. Сила рева продолжала воздействовать на людей.

Некоторые люди чувствовали все большую и большую боль в голове, и, наконец, они не могли удержаться от того, чтобы не сесть на корточки, положив голову на руки, и не завывать. У некоторых людей кровоточат уши и ноздри, и даже глаза начинают разбегаться.

Вскоре после этого кто-то из дворца Тяньцзи пришел с башни южных ворот, чтобы расспросить Ань Чжэна о случившемся. Ань Чжэн вкратце повторил суть дела, маленький **** не посмел медлить и быстро вернулся в башню южных ворот, чтобы доложить Янь Вану Му Чанъяну.

Через десять минут **** Ань Чэнли из дворца Тяньцзи явился лично: "Ань Чжэн, государь просил вас подняться в башню".

Ань Чжэн кивнул, повернулся и последовал за Ань Чэнли в башню.

В это время Гао Юаньху стоял рядом с Му Чанъянем.

Му Чанъянь слегка сузил глаза, сидя на стуле, и казался усталым. После прихода Аньчжэна он выглядел более энергичным. Он указал в сторону и подал знак Аньчжэну подойти, затем взял чашку чая и сделал глоток: "Вы думаете, что кто-то считает, что его сила достаточно сильна, чтобы контролировать Цючэн Дадянь?".

Никто не осмелился заговорить, все прекрасно понимали, что семья Гао на этот раз оказалась вне пределов досягаемости. С силой семьи, находящейся за пределами двора, попытка контролировать битву Чусюн в Цючэн Дадянь уже была прямой провокацией против величия королевской семьи и национальных законов.

Гао Юаньху не дурак, он сказал про себя: "Король... Это дело, должно быть, неправильно поняли, и министр никогда не сделает такого".

Семья Гао была верна королю в течение стольких лет, этот вопрос настолько очевиден, очевидно, что это краденое имущество против семьи Гао. "

Му Чангян произнес вслух: "Вы хотите сказать, что кто-то хочет украсть вашу семью Гао, устранив последствия битвы за безопасность?"

Гао Юаньху сказал: "Чэнь... Я думаю, что все должно быть именно так".

Му Чанъянь сказал: "Так стоит ли поступать так, как ты думаешь? Ты должен успокоить противоречия и сказать, что Гао Цзяжунцзюнь патриот. Как можно делать что-то против вас, вы, должно быть, были раздражены. ... А потом публично похвалить семью Гао, вынуть четыре слова о преданности и патриотизме и повторить их? "

Гао Юаньху поспешно склонил голову: "Не смею".

Му Чанъянь улыбнулся и сказал: "Не смеешь? На самом деле, это то, что ты думаешь в своем сердце, и ты также думаешь, что одиночество сделает это. Поэтому ты хочешь не просто контролировать Цючэн Дадяня, ты хочешь контролировать ... Одинокого Короля I!".

Его тон резко повысился, и Гао Юаньху, наконец, не выдержал давления и упал на колени: "Слуги действительно не смеют, этот вопрос также приглашает короля Минча, чтобы обвинить его".

Му Чанъянь кивнул: "Похоже, что позвоночник вашей семьи Гао недостаточно тверд, чтобы согнуться перед одиноким. Ноги твоей семьи Гао не настолько тверды, чтобы ты не смог встать на колени перед одиноким. Всегда думал, почему ты такой глупый, как директор этого поколения? "

Он посмотрел на Гао Юаньху: "Позже я хотел понять, что ты поступил так не из-за глупости, а из-за самоуверенности. Вы чувствуете, что ... такой человек, как Гу, не может жить без вашей семьи Гао, и вы не смеете по-настоящему обидеть вас". Гао. Раз уж я это сказал, нужно ли мне говорить об этом яснее? "

Плечи Гао Юаньху задрожали, а голова опустилась ниже.

Он не знал, почему реакция Янь Вана сегодня была такой бурной и ненормальной. Неужели Му Чангян ошибается? Не все ошибаются.

Му Чангян сказал именно то, о чем он думал... С точки зрения Гао, Му Чангян был марионеткой, а права Даяна находились в руках королевы-матери Су. Непосредственная жадность не так уж и велика.

Поэтому люди из семьи Гао считают, что этот марионеточный король Янь на самом деле ничто перед силой семьи Гао. Король-марионетка Янь не причинит семье Гао никакого вреда. Поэтому их уважение к Янь Вану только на поверхности.

Му Чангян отпил чай из чашки и уронил чашку на землю.

С треском разбилась чашка.

Му Чанъянь спросил Гао Юаньху: "Что ты сейчас один разбил?".

Гао Юаньху на мгновение замер, не понимая, что имеет в виду Му Чанъянь, и вынужден был ответить честно: "Это чайная чашка".

Му Чанъянь покачал головой: "Нет, это устройство. Чайная чашка - это устройство, а палочки для еды - это устройство. Это для человека. Руки обычных людей могут управлять многими устройствами, такими как чайная чашка, которую только что разбили, такими как зонтик, такими как веера, такими как ножи, - это все утварь. Конечно, те, которые держат необычные

люди, тяжелее. Конечно, в одинокой руке также есть некоторые предметы утвари, такие как различные ведомства, такие как армия, такие как другие вещи... это Национальное тяжелое оборудование. "

"Если обычные люди сердятся, они часто ломают некоторые устройства, чтобы выразить свой гнев. Если это общий гнев, то у них будет выбор, когда они будут бросать что-то, и они выберут что-то никчемное, чтобы упасть. Если гнев экстремальный, тогда нет никаких забот, вы будете ломать то, что видите перед собой, вы отвечаете один, так ли это? "

Гао Юаньху вздрогнул и ответил: "Да...".

Му Чанъянь крикнул: "Похоже, что ты понимаешь значение одиночества, пойдем".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2131222>